

Цзян Яо указала на неё пальцем: — Если нынче же ночью ты не покажешь мне, до какой степени это сладко, завтра я тебя...

Не успела она договорить, как Цзян Яо широко распахнула глаза, глядя на внезапно приблизившееся лицо.

На губах тут же ощутилось тёплое касание.

Мелкие крошки персикового печенья, что изначально прилипли к уголку чужих губ, от этого движения перенеслись дальше и отпечатались на губах Цзян Яо, оставив капельку влаги, вслед за которой просочилась капелька сладости.

Обе замерли неподвижно.

Хуа Байхэ, движимая инстинктом самосохранения, осмелилась поцеловать лишь на мгновение, после чего тут же отпрянула и, согнувшись в поклоне, произнесла: — Ваше Величество, помилуйте...

Цзян Яо пришла в себя, но разливавшаяся по губам сладость исчезла без следа.

Это почему-то заставило её почувствовать лёгкую утрату.

Не дожидаясь, пока стоящая перед ней человек как следует опустится на колени, она протянула руку, ухватила её за воротник и снова прильнула, мягко слизав все крошки с уголков её губ, после чего тихо спросила: — Есть что-нибудь послаще?

Хуа Байхэ: — ... — Ой, ну как ты можешь меня вот так спрашивать, мне же неловко!

После этого она, словно высыпая бобы из бамбукового тубуса, выложила Императрице всё о том, что такое французский поцелуй, и принялась отчаянно намекать: давай же! Нападай на меня спереди!

* * *

На следующий день до слухов дошло, что главная служанка рядом с Императрицей приболела и отпросилась с отгулом.

Хуаньси сидела у её кровати и, глядя на то, как та платком замотала всё лицо, с беспокойством продолжала расспрашивать: — Ты как себя чувствуешь? Если подхватила какую заразу, боюсь, тебя придётся изолировать.

Хуа Байхэ закатила глаза.

Хуаньси продолжала говорить: — Ты даже говорить не можешь, правда всё в порядке?

Хуа Байхэ отчаянно захлопала руками —

Разве ж она не может говорить не потому, что и впрямь проработала ртом целую ночь! У неё чуть челюсть не вывихнулась!

Система участливо осведомилась: — Теперь ты добилась своего? В конце концов, сосаться целую ночь — это ведь так волнительно, да? [Звучит смех, уничтожающий небеса и землю.jpg]

Хуа Байхэ, столкнувшись с издевательскими насмешками Системы, словно над её трупом,

вовсе не желала разговаривать.

Ей казалось, что Императрица — это реинкарнация рыбы-прилипалы —

Какой нормальный человек способен целую ночь напролёт цепляться за одну-единственную тему — поцелуи — и гонять её по кругу для закрепления материала! И ведь она действительно просидела с Цзян Яо всю ночь, целуясь!

Целую ночь напролёт не занимаясь больше ничем!

Если бы не полоска прогресса над головой Цзян Яо, которая под утро удовлетворительно сдвинулась на пять процентов, она бы точно сошла с ума.

Хуа Байхэ выразила крайнее разочарование в Цзян Яо — это была худшая героиня из всех, с кем ей доводилось работать.

Система же была весьма довольна и полностью успокоилась насчёт наивных людей древности: в эпоху, когда даже от одного французского поцелуя люди испытывают такое любопытство, Хуа Байхэ может даже не мечтать разогнаться до двухсот миль в час.

* * *

После полудня.

У Хуа Байхэ почти восстановились щеки, и она, сжевывая мягкий банан, собиралась прогуляться наружу, послушать сплетни, чтобы исцелить свою иссохшую душу.

И действительно, подслушанный за углом разговор не обманул её ожиданий: с одной стороны можно было узнать важные новости, а с другой — понаблюдать, как маленькая служанка признается в любви главному евнуху.

Поистине захватывающе!

Говорят, в Цзяннани полно красавиц, и дочь чиновника из министерства военных дел, ещё не просватаная, через три месяца будет отправлена во дворец.

Я передавала чай художнику! Я видела её! Она и вправду красавица!

Хуа Байхэ замерла с бананом во рту, потому что человек, которого семья чиновника из министерства военных дел собиралась отправить во дворец, был не кто иной, как будущая грозная соперница Императрицы — младшая сестра Благородной супруги Цзя.

Вот только судьба у той оказалась короткой, и она не дожилась до того момента, когда её отец и братья совершат подвиги.

В глубине сознания она внезапно окликнула: — Система.

Система отозвалась и спросила: — У тебя есть какой-то план?

Хуа Байхэ: — Послушай, а вон та служанка и главный евнух, они что, целуются?

Система: — ...Ты можешь думать о чём-то более серьёзном?

Хуа Байхэ: — Гляди, как страстно они целуются, разве это не похоже на то движение, которому

я вчера учила Императрицу?

Система присмотрелась и правда — сначала подумала, что Хуа Байхэ станет сокрушаться о наивности Императрицы, но вместо этого услышала смешок Хуа Байхэ:

— Эге!

— А Императрица-то затейница, мне нравится!

Я завоевал для тебя этот мир (Часть 5)

К неожиданности Хуа Байхэ, после той ночи, когда они с Цзян Яо целовались до полного умопомрачения, она в полнейшем предвкушении стала ждать второго дежурства... но вместо этого простояла всю ночь на холодном ветру.

В последующие дни Император и вовсе стал часто ночевать во Дворце Чанлэ, а по вечерам во внутренних покоях спальни никого не оставляли. Как рассказывала дежурившая тогда Хуаньси, когда выпадала её смена, свет внутри обычно горел до третьей стражи и гас только под утро.

Выслушав эту новость, Хуа Байхэ изо всех сил постаралась скрыть разочарование на лице, развернулась и направилась к выходу из дворца — получать жалованье за этот месяц.

Система в последнее время с удовольствием наблюдала за её неудачами: — Я же говорила, с какой стати Цзян Яо на тебя запасть? Может, у неё просто створки в новый мир ещё не открылись?

Кто знает, авось её плотские утехи с Императором ограничиваются рамками чувств и правилами приличия.

Хуа Байхэ помрачнела: — Фальшивые отношения служанки и госпожи.

Система лицемерно утешила её: — Ничего страшного, когда все десять заданий будут выполнены, получишь свою награду в сто миллионов, да какого тебе там партнера —Хуа Байхэ с унылым видом прервала его:

— Ты даже не даешь мне возможности послушать чужие разговоры из-за угла, за всю жизнь я еще ни разу не слышала ничего вживую.

Она произнесла:

— Я ужасно разочарована.

Не успела Система всласть выругать ее, как неподалеку раздался донельзя угодливый голос:

— Да это же матушка Цинцзя!

Только выйдя из Дворца Чанлэ, Хуа Байхэ услышала этот оклик и обернулась: к ней приближался главный евнух Ведомства внутреннего двора, Цзян Дэшэн.

Этот главный евнух казался совсем молодым, кожа у него была белой и гладкой, а черты лица — на удивление миловидными.

Заметив, что Хуа Байхэ смотрит на него, он сделал еще два шага вперед, вежливо поклонился,

и на его лице расцвела насквозь фальшивая улыбка:

— Матушка Цинцзя, столько дней прошло! Скажите, пришелся ли по душе Императрице тот новый шелк из Цзяннани, что велели доставить во Дворец Чанлэ несколько дней назад?

Хуа Байхэ вовремя изобразила удивление:

— Матушка соизволила оставить себе всего пару рулонов, а остальное было роздано по всем дворцам. А главный евнух — человек такой занятой, с чего это вдруг он сегодня вспомнил про Дворец Чанлэ?

Цзян Дэшэн тут же рассмеялся:

— Ну что за слова, матушка Цинцзя! Матушка Императрица — хозяйка шести дворцов, в чьих руках управление внутренними делами гарема, так что, как бы я ни был занят в будние дни, я обязан прийти и засвидетельствовать ей свое почтение.

Раз уж выпал такой случай: подошел первый осенний отбор невест с момента восшествия Его Величества на престол, Вдовствующая императрица приказала полностью обновить всю старую утварь во Дворце Чусю, чтобы привлечь добрую ци. Вот я и пришел немедля спросить матушку Императрицу, не нужно ли чего починить или заменить во Дворце Чанлэ, чтобы я мог дать распоряжение подчиненным ребятам заняться этим со всей тщательностью.

Хуа Байхэ слушала его с улыбкой, в которой не было ни капли радости, и мысленно свела всю эту болтовню к единой сути —

Цзян Дэшэн, главный распорядитель Ведомства внутреннего двора, явился по воле Вдовствующей императрицы выбивать деньги.

Сама она по природе своей была человеком холодным, со всеми общалась ни тепло ни холодно, и именно поэтому ее редкая улыбка казалась такой особенной:

— Я сейчас же пойду доложу обо всем. Главный евнух заглянул очень вовремя, еще четверть часа, и у матушки начнется полуденный сон.

Увидев, что она поворачивает назад, Цзян Дэшэн с улыбкой приготовился ждать; зная, что сегодня ей должны выдать жалованье, он даже решил сделать ей одолжение и велел стоявшему рядом молодому евнуху лично сбегать за ней вдогонку.

Они обменялись еще парой любезностей и фальшивых улыбок, но стоило Хуа Байхэ повернуться к нему спиной, как на ее лице появилось задумчивое выражение.

Этот Цзян Дэшэн — фигура выдающаяся, в будущем он станет главным евнухом-секретарем при императоре, а позже превратится в надежную опору для Благородной супруги Цзя на ее пути к вершинам власти.

Как говорится, в дворцовых интригах есть два незаменимых помощника: евнух и лекарь, без них никуда.

Хуа Байхэ решила как-нибудь разведать подноготную Цзян Дэшэна и придумать способ переманить его на сторону Императрицы.

Однако раньше, чем представился удобный момент переманить помощника Благородной

супруги, объявилась сестра самой Благородной супруги Цзя.

Приближалось время, когда девы из благородных семей предстанут перед Императором, и перед этим Цзян Яо внезапно решила устроить пир в Императорском саду, пригласив тех самых женщин, которым предстояло разделить с ней мужа.

Все прибывшие на пир Императрицы девы были тщательно отобраны перед отправкой во дворец, и среди них оказалась Шэнь Цинъюй — младшая дочь помощника министра военных дел.

Династия, в которой жил этот мир, носила название Да-Юн, со времен династического предка здесь ценили гражданских чиновников выше военных, так что Министерство военных дел занимало среди шести ведомств довольно шаткое положение. Среди дочерей многочисленной знати Шэнь Цинъюй ничуть не выделялась.

Судя по информации, предоставленной Системой, Хуа Байхэ примерно поняла: это девица прямолинейная и простодушная.

Шэнь Цинъюй полностью оправдывала свое имя — внешностью она напоминала драгоценный нефрит, но у нее совершенно не было хитрости, соответствовавшей этой красоте. Стоило Хуа Байхэ выходить по делам и специально проходить мимо Дворца Чусю, как из десяти раз она не менее трех заставляла ту за тем, что остальные сторонились ее и травили.

В дальнейшем над Шэнь Цинъюй должны были жестоко подшутить, испачкав ее новое платье накануне смотра у Императора, а из-за того, что на большой аудиенции она слишком переживала за свою судьбу, вид у нее сделался донельзя зажатым и неестественным, так что Император даже не позволил ей поднять голову и выгнал уже в первом туре.

После этого ее собирались распределить служанкой на низшие должности по разным дворцам...

Но матушка Хуаньси из Дворца Чанлэ отказалась принять ее.

В итоге Шэнь Цинъюй попала к какой-то низкоранговой дворцовой особе, а когда хозяйка совершила проступок, ту заставили ответить за чужую вину, и она бессмысленно лишилась жизни.

Хуа Байхэ, ловко гонявшая слуг Дворца Чанлэ по всему Императорскому саду, мысленно делилась с Системой своими впечатлениями:

— С чего это мне кажется, будто эта история очень похожа на то, что Шэнь Цинъюй погибает, а ее сестра является сюда, чтобы отомстить за нее?

Система отозвалась:

— Если судить по общему ходу событий в этом мире, такое вполне возможно...

Хуа Байхэ тут же подхватила мысль:

— Выходит, стоит лишь оставить Шэнь Цинъюй во дворце, и это автоматически отрежет Благородной супруге Цзя саму возможность сюда попасть?

Более того, если наладить с Шэнь Цинъюй хорошие отношения, глядишь, удастся затащить ее

и в лагерь Императрицы.

Всего в нескольких словах Хуа Байхэ уже приняла решение в глубине души. Она прикинула время и решила, что как раз подоспел тот момент, когда сюда должны пожаловать новоприбывшие отборные девы, после чего собралась выйти на дорожку, ведущую в Императорский сад.

Снаружи сада находилось рукотворное озеро, выкопанное по приказу. Для повседневного полива воду брали прямо из него: озеро было глубоким, и в солнечные дни здешние виды казались поистине великолепными. Мысленно Хуа Байхэ посетовала системе: — А теперь давай-ка совершим экскурсию к первой классической локации придворных интриг с жертвами — огромному водоёму, который просто идеально подходит для того, чтобы...

Мысль оборвалась, договорить она не успела: откуда-то издалека донёсся крик: — Кто-то упал в воду!

Хуа Байхэ тут же умолкла: — Вот видишь, именно для этого.

В следующую секунду раздалось ещё больше испуганных голосов: — Цинъюй! Спасите, Цинъюй упала!

— Одна из отборных дев в воде!

Мгновенно растеряв всю свою неторопливость, Хуа Байхэ задрала подол юбки и бросилась вперёд. Сделав пару широких шагов, она опередила даже воспитательницу-наставницу из дворца Чусю и стоявших поблизости императорских стражников, и решительно, без лишних раздумий сиганула в воду!

— О боже, почему всё пошло совсем не так, как мы договаривались?! Почему у Шэнь Цинъюй снова появилось место, где её кто-то пытается убить? Она что, какая-то ходячая катастрофа?!

Хуа Байхэ широко открыла глаза и изо всех сил забарахталась в воде, выискивая ту, что упала за борт.

Однако она совершенно не учла тяжёлые одежды на собственном теле, которые превратились в подобие сковывающего её толстого панциря. Помахав руками изо всех сил, она в конце концов пошла ко дну, словно выловленная рыба.

Ей было уже не до жалоб на Шэнь Цинъюй — в пугающей глубине вод изо рта Хуа Байхэ вырвалась целая цепочка пузырей.

В Императорском саду.

Хуаньси в панике примчалась к Цзян Яо, которая спокойно попивала чай: — Ваша светлость! Беда, Ваша светлость! Одна из отборных дев упала в воду!

На лице Цзян Яо ожидаемо промелькнула тень тревоги, она даже приподнялась, собираясь встать: — Что за ситуация? Ее уже вытащили?

Хуаньси тяжело перевела дыхание: — Цинцзя прыгнула за ней! Но ее всё еще нет на поверхности! Стражники уже вытащили девушку, а сейчас спасают Цинцзя!

Раздался звонкий удар!

Единственная на весь стол нефритовая пиала Цзян Яо разлетелась вдребезги.

С её лица мгновенно исчезли любые выражения, сменившись мрачной, грозовой тучей. Не сказав больше ни слова, она быстрыми шагами направилась прочь из Императорского сада.

Спустя полчаса.

Хуа Байхэ очнулась и тут же уставилась в пару тёмных, непроницаемых глаз.

Она тут же снова зажмурилась.

Это всё ложь! Мне снится сон!

Почему столь мягкая и кроткая Императрица может делать такое жуткое лицо? От одного этого вида маленькой кошечке вроде неё хочется запрыгнуть на платяной шкаф!

— Очнулась? Поняла, какая ты остолопка, и теперь тебе стыдно смотреть мне в глаза? — Цзян Яо сидела на стуле у кровати и неспешно попивала чай, а вновь расцветающая на её губах улыбка просачивалась и в голос.

Хуа Байхэ смущенно выдавила: — Раба...

Стоявшая рядом Хуаньси тут же подхватила: — Цинцзя, ты напугала меня до смерти! Зачем ты прыгнула в воду, если плавать не умеешь? Из-за тебя Ваша светлость переживала всю вторую половину дня! Раньше ты ведь не была такой безрассудной!

Хуа Байхэ: — Я...

Цзян Яо: — Что? У тебя ещё есть оправдания?

Она послушно признала свою вину: — Раба знает, что была неправа. Просто услышала, что кто-то тонет, в голове всё поплыло, и я подумала лишь о том, что спасти людей — превыше всего.

Движения Цзян Яо, собиравшейся сделать глоток чая, замерли, а взгляд полоснул по девушке так, что у той мурашки побежали по коже.

В тот момент, когда Хуа Байхэ уже приготовилась услышать что-то суровое, Цзян Яо лишь опустила голову, допила чай из чашки, велела ей хорошенько отдохнуть и удалилась.

Тем же вечером.

Хуаньси заставила Хуа Байхэ выпить пиалу имбирного чая, и, решив, что ничего страшного с ней не случилось, та отправилась дежурить в покои Цзян Яо.

Вскоре Императрица велела ей войти во внутренние покои.

Возле кровати откуда-то появился целый письменный стол со стулом, а на нём аккуратно расположились четыре драгоценности ученика. Хуа Байхэ совершенно растерялась: — Ваша светлость, вы разве не собираетесь отдыхать?

Цзян Яо, уже смывшая макияж, неспешно шагнула к ней и холодно произнесла: — Это оставлено для тебя.

Хуа Байхэ: — ...

Учить меня грамоте посреди ночи — что за романтика такая?

Цзян Яо в шёлковой ночной пижаме приближалась шаг за шагом, и едва дойдя до неё, тут же бросила: — Я не люблю, когда те, кто находится рядом со мной, самовольно и без разрешения лезут на рожон. Сегодня я сначала научу тебя писать иероглифы беречь жизнь, а затем...

Она нарочито протянула гласные.

Хуа Байхэ: Затем?

— Перепишешь их для меня пятьсот раз, — продолжила Цзян Яо.

Хуа Байхэ: — ...???

Заметив ошеломление на её лице, Цзян Яо немного смягчила выражение лица, и на её губы вернулась привычная мягкая улыбка, заставившая сиять её тёмные глаза:

— Разумеется, я составлю тебе компанию в учебе.

Хуа Байхэ только собралась сказать, что ей будет неудобно, и как это вообще годится, чтобы служанку наказывали, а заставляли страдать хозяйку.

Но прежде чем слова сорвались с губ, она услышала, как Цзян Яо с легкой улыбкой произнесла четыре коротких слова:

— Снимай одежду.

Хуа Байхэ мгновенно оцепенела от ужаса: — Конец системе! Вода из головы ещё не до конца вытекла! Проверь меня срочно! Почему это она вдруг перестала понимать слова Императрицы?

Её лицо стало заторможенным и растерянным: — А...?

Цзян Яо улыбалась ей очень ласково и приветливо, но в словах не было ни капли мягкости:

— Мне повторить второй раз?

Пристально глядя в глаза Хуа Байхэ, она чеканила каждое слово:

— Одежду, сняла.

Хуа Байхэ: — ...

Ваша светлость, я мало читала книг, не обманывайте меня —

Разве для наказания переписыванием текстов нужно раздеваться?

Цзян Яо построила для тебя это царство (Часть 6)

На лице Хуа Байхэ застыло напряжение, но в душе бушевало тайное предвкушение. Руки, расстёгивающие пуговицы, дрожали от волнения, а в голове непрерывно крутились сценки из той самой синей книжицы с иллюстрациями:

Какую позу предпочитает Цзян Яо? Ту, что была на обложке? Или традиционный вариант для новичков в первую ночь?

Бирюзовое дворцовое платье скользнуло вниз, обнажая белоснежную нижнюю сорочку. Цзян Яо скользнула взглядом по этому самому обычному лицу, и её глаза слегка потемнели.

У этой служанки было заурядное овальное лицо, а черты по отдельности казались до крайности заурядными, но стоило им соединиться вместе, как пара живых, сияющих глаз вдыхала в образ жизнь, наполняя каждую черточку пронырливостью.

Когда мозг не был занят думами, она казалась заурядно-невозмутимой, но стоило зародиться какой-то идее, как в её глазах вспыхивал яркий огонек.

Цзян Яо наблюдала, как та медленно тянет воротник одежды вниз — от шеи к ключицам, к гладким плечам, пока оттуда не показалась едва заметная тень. Только тогда она холодно обронила: — Достаточно.

Хуа Байхэ судорожно замерла на месте, изо всех сил пытаясь заглушить разочарование в глубине души:

В смысле достаточно?

Ты дала мне раздеться всего наполовину и заявляешь, что достаточно?

Ты вообще способна на большее?

Однако Цзян Яо не обратила никакого внимания на бушующий в её груди океан разочарования. Она подошла вплотную, протянула руку и легонько коснулась кожи на правом плече — необычайно нежной и белой оттого, что та вечно была скрыта от солнечного света.

Слегка прохладные кончики пальцев скользнули по телу, ненароком оставляя после себя холодок и вызывая табун мурашек, от которых Хуа Байхэ чуть не задрожала всем телом.

Она ошеломленно выдавила: — Ваша... светлость?

Несмотря на всю пикантность ситуации, когда её бесцеремонно лапали, неизвестно почему, стоило ей заглянуть в глаза Цзян Яо, ей почему-то казалось...

Что это движение до боли напоминает выбор аппетитного кусочка рёбрышек на тарелке с едой — мол, какая сторона наощупь лучше.

Пока Хуа Байхэ в предвкушении ждала дальнейших действий, Цзян Яо принялась гладить крошечную родинку на её правом плече. Маленький бугорок под пальцами оказался на редкость забавным, и Императрица не удержалась, пару раз проведя по нему подушечкой пальца, прежде чем неспешно поинтересоваться:

— Какая часть твоего тела меньше всего боится боли?

Та звонко отчеканила: — Моя задница! Вообще-то я ничего не боюсь! Пусть эта любовь ударит по мне ещё сильнее!

Цзян Яо приподняла веки, оценивающе глядя на неё, и спустя мгновение многозначительно поинтересовалась: — Ты уверена?

Хуа Байхэ: — ...Можно?

Цзян Яо загадочно улыбнулась, едва заметно кивнула на стоявший перед ними стол и бросила: — Ложись.

Помедлив и вспомнив то самое слово задница, что произнесла девчонка пару мгновений назад, она понизила голос:

— Штаны снимай.

Хуа Байхэ подумала, что это как-то неловко...

И тут же резво, с голым задом и легким ветерком вокруг, улеглась на этот тёмный деревянный стол.

Одновременно с этим, рефлекторно отбросив недавний вопрос Цзян Яо о боли, она с усмешкой шепнула системе:

— Оказывается, она любит по-собачьи~

Система: — [Я ничего не слышу.jpg]

Спустя четверть часа все ожидания Хуа Байхэ сменились чистейшим ужасом.

Она вытаращила глаза, наблюдая, как Цзян Яо отошла к кровати, а вернувшись оттуда, принесла с собой деревянный поднос. На нём аккуратным рядышком лежал целый ряд

серебряных игл, а рядом громоздилась целая батарея баночек и склянок.

— Си-си-система, она что, реинкарнация матушки Жун?! Неужели за то, что я самовольно прыгнула в воду, она собралась тыкать в меня иголками?! — душа Хуа Байхэ уходила в пятки.

— В-ваша светлость, мне вдруг показалось, что я везде боюсь боли... — вид у Хуа Байхэ был такой, будто она отчаянно хотела сбежать прямо со спущенными штанами.

Бросив на неё острый, как лезвие, взгляд, Цзян Яо холодно приказала: — Не смей шевелиться.

Хуа Байхэ окаменела.

Взгляд Цзян Яо скользнул с её наполовину обнаженных плеч на полоску бедра, выглядывающую из-под простого нижнего белья, и по изгибам опустился до стройных икр.

Раньше она и не замечала: хоть у этой Цинцзя лицо самое заурядное, фигура оказалась на редкость ладной.

Цзян Яо слегка стукнула деревянным подносом о стол и, покосившись на замершую в послушной позе девчонку, вернула в голос прежнюю мягкость:

— Даю тебе ещё один шанс: где именно ты хочешь сделать татуировку?

Хуа Байхэ: — ...?

Э? Что? Какую татуировку?

— Ах...! — среди ночи из спальных покоев во Дворце Чанлэ донёсся сдавленный и слабый возглас боли.

Цзян Яо держала иглу с невероятной твердостью и точностью. Услышав этот крик, она на секунду занесла руку над кожей, замирая, после чего мягкий голос наполнился едва уловимой беспомощностью:

— Я же ещё даже не уколола.

<http://bllate.org/book/22171/2309617>